КОНСТАНТИН САПРОНОВ: «ПРИДЕРЖИВАЯСЬ ПРАВИЛ ПОСТОЯННО, ТЫ ЛИШАЕШЬ СЕБЯ ТВОРЧЕСКОГО ДИАПАЗОНА»

Российский художник-сюрреалист Константин Сапронов — о том, чем опасны творческие рамки, почему для художника важно получить базовое образование и как происходит формирование авторского стиля.

By Полина Свирина-Ледовских

Вы выросли в семье музыкантов, кроме того, пробовали себя в самых разных сферах — и в радиотехнике, и в торговле. Почему всё-таки живопись?

Если коротко, это не я выбрал живопись, а она меня. На самом деле, это интересное стечение обстоятельств. В 1996-м году, когда мне было 16, я попал в неблагоприятную компанию и не знал, чем заняться. Тяга к рисованию появилась после нескольких тяжёлых случаев в жизни. В детстве я даже не проявлял к нему способностей, любил только мастерить что-нибудь. Поэтому сейчас моё искусство в большей степени основано на воспоминаниях, воображении и импровизации. Возникает эмоция, я её осознаю, сублимирую накопленные переживания, и потом из них рождается образ. Многие говорят, что у меня «неправильная методика работы», а я отвечаю короткой фразой: «Не важно, как и чем ты пишешь, для зрителя главное — результат». Людей не сильно интересуют способы создания, им важны впечатления, которые они получают от произведения.

Расскажите о самых ярких воспоминаниях из детства и юности, которые в итоге отразились на Вашем творчестве.

Я родился и вырос у моря. Свою роль, конечно, сыграла атмосфера творчества в семье: мы с родителями часто проводили время с художниками, музыкантами. Больше всего, наверное, повлияли наши поездки к морю осенью. Мама рассказывала, что маленький я просто сидел и смотрел на воду, пока она, например, читала. Само место, где ты растёшь, оказывает на тебя сильнейшее влияние. В 16 лет я поехал в Успенскую Почаевскую лавру вместе с другом нашей семьи, священником. И там

что-то произошло. Я рассматривал мозаики Николая Рериха, слушал экскурсии, которые проводили молодые семинаристы. Во мне начали накапливаться сильные впечатления, и пришло осознание, что, оказывается, жизнь более многогранна и многослойна, чем я себе представлял. Когда вернулся домой, понял, что внутри меня произошёл перелом и мне больше не хочется общаться с прежней компанией. Я затосковал по лавре, начал по наитию писать пейзажи, которые помнил. В качестве холста использовал рулон старых обоев, вместо красок и карандашей — мамину косметику. Это была моя внутренняя потребность. Я сутками не спал, хотел только рисовать.

Не тяжело жить и творить в Москве после такого количество лет, проведённых у моря?
Нет, я очень люблю Москву, это мой город. Здесь совсем другая атмосфера, но для творческого человека очень комфортно — много разных активностей в сфере искусства, выставок. Здесь ты можешь увидеть, что создают другие авторы. Главное — не засматриваться, а то можно начать сравнивать себя с ними и думать, что делаешь что-то не то, загонять себя в рамки.

Ваша первая персональная выставка состоялась, когда Вам было всего 19 лет. Что Вы испытали, организуя её и участвуя в качестве единственного автора? Какими эмоциями с Вами делились посетители?
Я организовывал и оформлял выставку сам от начала до конца, вплоть до того, что вручную мастерил подрамники и багеты. И получилось здорово. В условиях маленького города, где практически ничего не было, — тем более. Я выставил где-то 15 морских пейзажей. Боялся, что от внутреннего напряжения могу «перегореть». За пару дней до выставки ещё и заболел, в день открытия у меня была температура под 40. Видимо, отразились сильнейшие переживания. Всё прошло замечательно. Масштаб, конечно, не сравнить с московскими фестивалями, но опыт бесценный. Я старался придать работам динамику, создать внутренний ритм. Посетители говорили, что у них в душе картины откликаются, что они живые.

Почему Вы решили не получать академического образования в области живописи? Не было мысли, что оно может помочь?
У меня просто не было возможности. Я погрузился в живопись с головой, но через пару месяцев столкнулся с отсутствием навыков и знаний о том, как пользоваться материалами. И начал ходить

AR ЗАВТРАК В ТРАВЕ

в библиотеку. Художественное образование получил именно там. Бывало такое, что я учился при свечах. В 90-х в Керчи были огромные проблемы с электричеством, света могло не быть по пять дней. Так что я штудировал библиотечные издания как в старину. В итоге поступил в художественное училище нашего города. После пары уроков педагог рекомендовала мне ехать получать образование в Симферополь и не тратить время здесь. Но финансовой возможности не было. Надо было зарабатывать деньги, кормить семью — мягко говоря, не до учёбы. И я начал писать картины на продажу.

Как Вы искали свой стиль? С чего начинали и как трансформировали его? Как повлияло отсутствие академических «рамок» на его становление? Как Вы считаете, допустимо ли наличие хоть каких-то «правил» для творческого человека и почему?

База в любом случае быть должна. Я её наработал благодаря советским книгам по живописи. Но, конечно, пришлось пережить и период юношеского максимализма. Я даже умудрялся делать замечания художникам на вернисажах, а потом понял, что никому это не нужно. Я делаю своё дело, а они — своё. Придерживаясь строгих правил постоянно, ты лишаешь себя творческого диапазона. Если убеждён в чем-то на 100%, важно найти в себе силы посмотреть на ситуацию с другой стороны. Рамки, будь они академические или, наоборот, антиакадемические, — это всё равно рамки. Конечно, хорошо владеть техникой и большим количеством навыков, но внутренняя свобода и осознание, что всегда можно сделать иначе, важнее. Я до сих пор нахожусь в процессе обучения и понимаю, что, скорее всего, не доживу до того дня, когда скажу: «Всё, я отыскал свой стиль». Если в какой-то момент так сказать себе, это станет началом конца. Я уверен, что мой «почерк» ещё будет очень сильно трансформироваться.

Мне не хочется подстраиваться под арт-рынок и жить с мыслью о том, что у художника должен быть единый стиль произведений. Я планирую продолжать работать в нескольких направлениях, в том числе в сюрреализме, в сказочной тематике.

Был период, когда Вы работали на заказ, рисовали пейзажи и натюрморты, а потом отказались от этого направления и начали писать то, о чем говорит душа. Почему решили сменить вектор? Не страшно было, что зрители Вас не поймут?

У меня в творчестве рядом с конъюнктурной живописью всегда существовала «тема потаённого», личных переживаний. Я создавал эскизы, наброски, иногда даже прописывал их текстом. Но в крупные проекты они не превращались. Я ориентировался на мнение коллег и близких, утверждавших, что лучше писать вещи, которые будут продаваться. Даже сейчас, когда я создаю концептуальные картины, слышу внутреннего критика. Но в определённый момент я пришёл к мысли: «Да пошли они, все эти сомнения!», и начал делать то, что я хочу. Стараюсь работать над своими страхами, но на то, чтобы их побороть, требуется время.

Расскажите о творческих кризисах. Сталкивались ли с ними? Как удавалось выбраться?

Осенью 2022 года я разочаровался в искусстве, понял, что не люблю его. Просто сидел дома и болтал ногами. Подумал, что пойду и устроюсь на обычную работу, буду трудиться 5/2 с 9 утра до 6 вечера. И мне стало очень страшно: получается, я столько лет посвятил тому, что не люблю. Я какое-то время попереживал и пришёл к выводу, что проблему нужно решать. Осознал, что терять всё равно нечего, поднял старые эскизы и наброски, взялся за них, и меня охватило вдохновение.

Ваши картины наполнены психологизмом и достаточно сложными, не всегда радостными эмоциями. Есть ли спрос на такое искусство? Он выше в России или за рубежом?

Когда я только начал их писать, они, как горячие пирожки, разлетались в США. Сейчас я занимаюсь реализацией работ в нашей стране, и на них есть спрос.

Важны ли успех, похвала, социальное одобрение для художника?

Очень важны, кто бы что ни говорил. Критика тяжело воспринимается всеми художниками без исключения. Но нужно быть готовым к ней, если ты решился демонстрировать своё творчество людям. Что бы ты ни делал, всегда найдётся человек, который скажет, что ты пишешь плохо.

НЕЖНОСТЬ

Я стараюсь работать с негативом внутри себя, это критически важно для художника XXI века.

Для каждого художника творчество — это что-то своё. Чем оно является для Вас?
Творчество — это акт. Оно может существовать в любой сфере: в бухгалтерии, экономике, ЖКХ. Творчество — результат мысли, который побудил тебя к действию, помог что-то создать. В основе всего лежит мысль, которая постепенно обрастает идеями.

Важнее процесс или результат творчества?
Для меня — процесс. В процессе заключается твоя жизнь, а результат больше важен для зрителя. Процессом поделиться сложно, потому что он состоит из личных переживаний.

В процессе творчества Вы больше интроверт или экстраверт?
Здесь нет какого-то алгоритма или статичного состояния. Я не могу сказать, что если сейчас закроюсь от всех и обложусь красками, то что-то напишу. Важно вдохновение и потребность в творчестве. Например, я могу отменить какую-то встречу, если понимаю, что сейчас душа требует поработать. Для меня творчество — процесс интимный, в том числе поэтому я не даю мастер-классов.

Не получается поймать волну с большим количеством людей?
Было время, когда я давал мастер-классы, и ко мне по одному приходили человек пять, наверное. Но я не учился методологии преподавания, поэтому с академической точки зрения ничего не мог им дать. Я воспринимал свои мастер-классы не как урок, а как процесс сотворчества. «Ученик» мог просто сидеть и наблюдать за работой, а мог присоединиться, внести что-то своё.

Почему перестали проводить такие индивидуальные занятия?
Я занимался с людьми в таком формате ещё до того, как стали популярны многолюдные мероприятия, где можно и порисовать, и поужинать, например. Массовость в таких вопросах мне претит — не та атмосфера. Мне бы хотелось больше свободы, неформальности.

Назовите имена художников, творчество которых вдохновляет Вас. На кого Вы ориентировались, когда только начинали свой путь в живописи? На кого ориентируетесь сейчас?
С подросткового возраста влюблён в творчество Поля Гогена. Нравятся Камиль Коро, Анри Матисс. Гоген читается в моих работах. Мне очень нравится, как он писал фигуры, их тревожная диспропорциональность. Это придаёт картине странности. Естественно, как все подростки в Крыму, в своё время был увлечен Иваном Айвазовским. Я писал пейзажи, и он стал моим первым учителем. Мне очень нравились художники советского периода — Пётр Столяренко, Иван Олишевич. По молодости был знаком с маринистом Жоржем Матрунецким. Тогда не понимал его работ, а сейчас очень жалею, что не приобрёл ни одной картины. После смерти мастера его дети продавали их за копейки.

Вы стали участником ARTLIFE FEST 2023, тема которого — «Касание души». Чем она Вас зацепила? О чём бы Вы хотели рассказать гостям через свои работы?
В моём восприятии она отражает идею того, что искусство может пробудить в нас самые глубокие чувства, служить мостом между людьми, способствуя их сближению на почве общих идей, ценностей, эмоций и духовных переживаний. Я хотел бы передать этот смысл через свои работы на фестивале и пробудить желание гостей создавать связи с другими людьми в жизни.
Возможность не только увидеть экспонаты, но и лично пообщаться с авторами на разных интерактивных мероприятиях, лекциях, мастер-классах, встречах с художниками — важный для меня аспект концепции арт-фестиваля. Он может помочь зрителям глубже погрузиться в мир искусства и лучше почувствовать эмоциональное воздействие представленных произведений.

На мой взгляд, метафора «Касание души» служит направляющим принципом для художников, помогая создавать предметы искусства, которые не только были бы красивыми и интересными, но и вызвали бы у зрителей глубокие чувства и эмоции, воздействуя на их внутренний мир, запуская рефлексию и переосмысление, достигая не только интеллекта, но и самих глубин души человека.